

Патрушев Сергей

Мы взрослые, но это не точно.

Сергей Патрушев

Мы взрослые, но это не точно

«Автор»

2026

Патрушев С.

Мы взрослые, но это не точно / С. Патрушев — «Автор», 2026

Это история Жени и Насти — двух сумасшедших, пытающихся построить любовь на руинах бюджета. У них течёт кран, ломается диван, а в холодильнике живёт зарядка от телефона. Он хочет улететь в космос или купить джойстик за семь тысяч, она мечтает о горах, но соглашается на палатку на балконе. Их жизнь — это череда катастроф: потопы, проваленные собеседования и ссоры из-за мусора. Но сквозь этот уютный хаос пробивается главное: умение держать друг друга за руку, когда мир идёт ко дну. Теплая, смешная сага о том, как выжить с ипотекой на хомяка и остаться счастливыми.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кризис четверти жизни и сломанный кран	5
Глава 2. Искусство совместного сна	11
Глава 3. Поход в супермаркет на голодный желудок	18
Глава 4. Разговор о «будущем» (через 5 минут)	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Патрушев

Мы взрослые, но это не точно

Глава 1. Кризис четверти жизни и сломанный кран

Ключ повернулся в замке с четвертой попытки. Настя толкнула тяжелую, обитую дешевым дерматином дверь плечом, ввалилась в прихожую и сползла по ней спиной на пол, прямо на грязный коврик для обуви. Плечо саднило от удара о косяк, но сил подняться не было. В одной руке она сжимала ручку дешевого полиэстерового портфеля, который купила специально для сегодняшнего собеседования — ей казалось, что строгая геометрия сумки придаст ей веса, сделает из нее «серьезного специалиста». В другой мертвой хваткой держала телефон.

Экран все еще светился последним сообщением от рекрутера. Синие-белый интерфейс корпоративной почты выглядел издевательски жизнерадостно. «Анастасия, спасибо за уделенное время. На данном этапе мы решили продолжить общение с кандидатами, чей профиль более точно соответствует долгосрочной стратегии компании». Перевод с языка корпоративных трусов означал: «Ты слишком нервная, у тебя дергается глаз, и ты забыла название нашего главного продукта, хотя готовилась всю ночь».

Настя закрыла глаза. Тридцать два года. Десять лет после университета. Три крупных места работы, каждое следующее хуже предыдущего, и бесконечная вереница вот таких вот отказов. Сегодня она провалила попытку стать младшим бренд-менеджером в конторе, производящей органические корма для шпичев. Она должна была продавать идею того, что чихухуа достойны еды без глютена больше, чем дети в Африке. И даже эту простую, циничную задачу она провалила. Когда эйчар спросил ее о самом большом профессиональном достижении, Настя честно ответила, что однажды смогла сварить пельмени так, чтобы они не превратились в кашу. Эйчар вежливо улыбнулся уголками губ. У него были идеальные виниры.

— Женя, почему на кухне озеро? — голос прозвучал глухо, как из-под подушки. Настя все еще сидела на полу в коридоре. Сил снять туфли не было. Лакированная кожа правой лодочки уже начала впитывать влагу, расплываясь темным пятном.

Из кухни донеслось сдавленное кряхтение, звук чего-то тяжелого, волочащегося по линолеуму, и громкий металлический лязг.

— Я решил стать сантехником! — радостно проорал Евгений.

Настя вздохнула. Глубоко, всем объемом легких, пытаясь выдуть из себя остатки надежды вместе с запахом чужого кондиционированного воздуха, вьившегося в волосы.

Она заставила себя встать. Мышцы ног дрожали мелкой противной дрожью — классическая паническая атака постфактум, адреналиновый отходняк. Развязала шнурки трясущимися пальцами, сбросила мокрые туфли. Портфель глухо упал рядом. Телефон выскользнул из руки, но чудом остался на коврике.

Картина, открывшаяся на кухне, могла бы претендовать на инсталляцию современного искусства под названием «Тлен бытия».

Евгений стоял посреди помещения на перевернутом оцинкованном ведре. Ведро жалобно поскрипывало при каждом его движении. Он был обнажен по пояс, если не считать банное полотенце, небрежно перекинутое через плечо. Его торс блестел от смеси пота и воды. На голове красовалась старая бейсболка Настиного отца с логотипом давно обанкротившегося завода железобетонных изделий, надетая задом наперед. В руках он сжимал гигантский газовый ключ, которым размахивал, словно дирижерской палочкой.

Само «озеро» представляло собой слой мутной воды глубиной сантиметра в три. Вода лениво покачивалась, отражая тусклую лампочку Ильича под потолком. По поверхности пла-

вали размокшие чайники, чья-то неопознанная лапша и одинокий лепесток каркаде. Под столом, где вода доходила почти до пяти сантиметров, сиротливо плавала правая Настина туфля, сбежавшая с ноги в коридоре.

Источник катастрофы находился под мойкой. Дверцы кухонного гарнитура были сорваны с петель и прислонены к холодильнику. Из зияющей темноты сифона торчал резиновый шланг от стиральной машины, намертво перехваченный синей изоляцией и этим самым газовым ключом. Из соединения была тонкая, но упорная струйка холодной воды, попадая Евгению аккуратно в лоб.

— Слушай, а сосед снизу стучит по трубе, — сообщил Евгений, указывая ключом в потолок. — Это он так ритм отбивает? Может, ему скинуть наш плейлист со Spotify? У меня там отличный фанк собран для ручной стирки.

— Это он вызывает полицию, Жень, — ровным голосом произнесла Настя. Она перешагнула порог кухни, почувствовав, как ледяная вода моментально пропитала носки. Ощущение реальности начало возвращаться через холод. — Кажется, это морзянка. S-O-S. Или просто мат, я плохо разбираю диалект перекрытия пятого этажа.

Евгений наконец заметил масштаб разрушений. Он опустил взгляд вниз, посмотрел на свои босые ноги, которые сейчас находились на дне аквариума, затем перевел глаза на Настю. Капля воды стекла с козырька бейсболки прямо на кончик его носа.

— Упс, — сказал он. Слово повисло в воздухе, такое же нелепое, как полотенце на его плече. — Кажется, прокладка приказала долго жить. Но зато посмотри, какой антураж! Прямо Амстердам, район каналов. Очень богемно. Можно запустить золотых рыбок. Кстати, где наши золотые рыбки? — Их съел кот. В две тысячи восемнадцатом. Мы тогда тоже думали, что быть владельцами питомца — это просто, — Настя обошла мужа по периметру лужи, стараясь ступать только на относительно сухие островки линолеума. — Ты хоть воду перекрыл? — Основной вентиль? Нет. До него надо лезть в шкаф в общем коридоре, а там пыльно, и замок заржавел. Я перекрыл тот, что под раковиной. Красный флажок вниз. Видишь? Инженерная мысль. Правда, когда я его крутил, трубу немного... э-э... провернуло.

Настя молча подошла к мойке. Отодвинула мусорное ведро, которое стояло на сухом пятнышке. Заглянула внутрь тумбы. Конструкция из труб напоминала внутренности инопланетного корабля после прямого попадания. Все сочилось.

— Скажем, что у нас прорвало трубу... отношений, — предложил Евгений, пытаясь обезоруживающе улыбнуться. Зубы у него были хорошие, белые, и это делало ситуацию еще более невыносимой. — Звучит глубоко. Психологично. Они поймут. Соседи любят драму.

Настя медленно выдохнула сквозь сжатые зубы. Она посмотрела на идеальный пресс Евгения, покрытый каплями воды. На этот идиотский заводской картуз. На газовый ключ стоимостью в половину их месячной аренды.

— Ты пытался починить смеситель, потому что тебе стало скучно во время созвона? — тихо спросила она. — Ну да, — оживился Жень. — Там спикер минут сорок рассказывал про синергию KPI. Я начал чесаться изнутри. Мне нужно было занять руки. Мелкая моторика успокаивает нервную систему. Я читал статью на Хабре. Хотел сделать тебе сюрприз. Чтобы вода лилась ровно в центр, а не брызгала на левую конфорку. Забота!

Забота. Слово ударило под дых сильнее, чем новость об увольнении. Настя села на корточки прямо в лужу. Холод обжег бедра сквозь джинсы. Ей захотелось завывать. Громко, протяжно, как воют собаки на луну в старых русских деревнях. Не театрально, а по-настоящему, разрывая связи, выплескивая весь ужас последних трех лет. Трех лет бессмысленных стартапов, просроченных дедлайнов, токсичных начальников и попыток спасти то, что спасению уже не подлежало. Например, этот брак. Или этот кран.

— Знаешь, что самое обидное, Жень? — сказала она, глядя на плавающую в воде лапшу. — Меня сегодня не взяли кормить собачек органикой. Женщина с винами смотрела на меня

как на плесень. А я ведь правда думала, что смогу. Что если я очень постараюсь, выучу их дурацкий таймлайн производства гранул и буду улыбаться нужной ширины улыбкой, мир скажет мне «да». Но мир говорит «нет». Мир говорит: «Ваш профиль не соответствует стратегии», Анастасия Валерьевна. Иди нахрен со своим профилем.

Евгений перестал улыбаться. Газовый ключ в его руке замер. Струекка из трубы продолжала методично долбить ему в макушку, выбивая крошки побелки.

— Насть... — Молчи, — оборвала она. — Просто помолчи одну минуту. Дай мне посидеть в нашем личном озере Комо. Оно прекрасно. Посмотри, какая фактура. Как играет свет. Настоящий лофт. Только воняет почему-то не арт-галереей, а сырыми тряпками и твоим отчаянием.

Она подтянула колени к груди. Вода была неприятно мыльной — видимо, из сифона вымыло остатки какого-то средства для посуды. Джинсы промокли насквозь, став тяжелыми и холодными доспехами.

Стук снизу прекратился. Вместо него раздался оглушительный, вибрирующий звон. Кто-то внизу бил по батарее разводным ключом. Звук шел прямо по стояку, резонируя в зубах.

— Ладно, — вдруг решительно сказал Евгений. Он перелез через лужу, балансируя на перевернутом ведре, подошел к Насте и протянул руку. — План такой. Сейчас мы встаем. Ты идешь в душ. Льешь горячую воду, греешься, пьешь чай. Любой, даже из пакетика, я разрешаю. Я вызываю настоящего сантехника. Профи. С корочками. Я оплачу его из своей доли за прошлый проект, ту самую, которую хотел отложить на новый микрофон для подкаста. Подкаст подождет. А потом... потом мы откроем ту бутылку красного, которую привезли из Крыма в прошлом году. Ту, выдержанную. И будем пить ее прямо здесь. Сидя в тазиках. Если к вечеру уровень воды поднимется выше щиколоток, пересидим на диване. Романтика апокалипсиса. Выживальщики двадцать первого века.

Настя подняла на него глаза. Лицо Евгения было серьезным. Исчезла привычная маска обаятельного раздолбая, которая бесила ее последние полгода. Перед ней стоял просто уставший тридцатипятилетний мужчина, который понятия не имел, куда двигаться дальше, и поэтому отчаянно цеплялся за иллюзию контроля — например, за гаечный ключ.

Он тоже был в кризисе. Свой «долгий двадцатый год» он переживал иначе — не проваливая интервью, а бесконечно начиная и бросая проекты. То студия звукозаписи в гараже, то производство крафтовых кожаных ремней, то приложение для медитации с искусственным интеллектом. Ни одно из них не приносило денег, достаточных для оплаты этой убитой двушки в панельном доме на окраине Москвы. Деньги всегда добывала Настя. Ровно до сегодняшнего дня.

— Сантехник в восемь вечера стоит как крыло от самолета, — хрипло сказала она, но руку приняла.

Пальцы Жени были горячими и шершавыми. Он рывком поднял ее на ноги, взметнув веер брызг.

— Значит, возьмем кредит на второе крыло, — ухмыльнулся он. — Беги, моя утопающая. Я тут прикрою фланги. Если прорвет снова, построим плот из табуреток.

Настя вышла из кухни, оставляя за собой цепочку мокрых следов. В коридоре она остановилась перед зеркалом в полный рост. Мокрая крыса. Волосы висели сосульками, тушь растеклась под глазами черными реками, превратив лицо в маску индейского воина перед боем. Блузка, купленная вчера в масс-маркете за четверть зарплаты, прозрачными кругами липла к телу. Идеальный образ «перспективного молодого профессионала» растворился в московской канализации.

В ванной она пустила воду. Сначала ледяную, чтобы смыть с кожи слизь поражения, потом выкрутила ручку вправо до упора. Пар мгновенно заполнил небольшое помещение, зер-

кало покрылось плотной белой пеленой. Настя забралась в старую чугунную ванну, подтянула ноги к подбородку и обхватила колени руками.

Сквозь шум воды и гул труб она слышала, как Женя гремит чем-то в коридорном шкафу, матерится вполголоса, борясь с заржавевшим вентилем. Потом хлопнула входная дверь. Пошел за мастерами. Или за шваброй. Или за вином. Скорее всего, за всем сразу.

Она просидела так минут десять, наверное. Пока кожа на пальцах не сморщилась, как у старухи. Горячая вода делала свое дело — мышечные спазмы в спине начали отпускать. Паника отступила, оставив после себя звенящую, гулкую пустоту.

Когда Настя вышла из душа, обмотанная огромным полосатым полотенцем, на кухне уже сутился человек в ярко-оранжевом жилете. Сам Женя сидел на подоконнике, закинув ногу на ногу, и подавал мастеру инструменты. Они работали молча, понимая друг друга с полувзгляда — сцена, абсолютно невозможная еще час назад. Мастер, седой жилистый татарин по имени Рашид, лишь изредка цокал языком, глядя на колено трубы.

— Запорная арматура говно, хозяйка, — констатировал Рашид, затягивая последний хомут. — Китайская штамповка. Ставили при царе Горохе. Хорошо, этаж не первый, соседей бы на улицу вымыло. Штраф тысяч на сто пятьдесят выписали бы легко, плюс ремонт им делать. — Нам повезло, — деревянным голосом ответила Настя. — Повезло, что жена дома оказалась, — усмехнулся мастер, пряча деньги, которые отсчитал ему Женя. — Мужики сейчас такие пошли... инициативные. Мой вон тоже всё сам. Полквартиры взорвал, когда котел регулировал. Лучше уж сразу звоните.

Рашид ушел, аккуратно притворив за собой дверь.

На кухне пахло озоном, сыростью и металлом. Вода исчезла. Остались только темные разводы на ламинате, покореженная дверца шкафа и стойкий запах бедствия. Евгений слез с подоконника. Он успел надеть чистую футболку, но на шее у него красовался свежий багровый след — труба, судя по всему, дала сдачи.

Они смотрели друг на друга через поле битвы. Двое людей, потерпевших крушение в тихой домашней гавани.

— Красное или белое? — спросил Женя, прерывая затянувшееся молчание. — Крымское, — ответила Настя. — То самое. Которое жалко открывать. — Сегодня самый подходящий день, чтобы тратить то, что жалко, — серьезно кивнул он. — Я сгоняю. И давай закажем пиццу? С двойным сыром. Органическую, для души. Шпицы могут подождать.

Пока он ходил в ближайший алкомаркет, расположенный в торце дома, Настя взяла бумажные полотенца и начала методично собирать остатки влаги. Руки делали механическую работу, а голова была совершенно пустой. Впервые за долгие месяцы — ни мыслей о резюме, ни подсчетов бюджета, ни тревоги о будущем. Только усталость и странное, иррациональное облегчение.

Катастрофа случилась. Самая бытовая, самая глупая, смешная катастрофа. Кран тек, соседи ругались, муж изображал слесаря. Никакой экзистенциальной глубины, никакой философии. Просто физика жидких тел и ржавчина на резьбе. И эта простота лечила лучше любого психотерапевта, которому они платили по пять тысяч в неделю, чтобы обсуждать детские травмы Насти. Оказалось, что лучший способ пережить крах карьеры — это сидеть по щиколотку в грязной воде и понимать, что твой муж любит тебя настолько, что готов ради сюрприза с правильным углом падения струи затопить собственную кухню.

Женя вернулся через пятнадцать минут. В пакете тяжело булькала бутылка, завернутая в крафтовую бумагу. Рядом лежала коробка «Маргариты», источающая аромат печеных томатов и базилика, который мгновенно забил запах плесени.

— Швабру купил, — гордо объявил он, демонстрируя пластиковое орудие труда. — Желтая. Назвал «Месть коммунальщика». — Надеюсь, она не требует настройки драйверов, — впервые за вечер уголок рта Насти дрогнул в подобии улыбки.

Они убрали последствия наводнения за полчаса. Работали синхронно, почти не разговаривая. Женя возил шваброй, Настя собирала воду старым вафельным полотенцем в ведро. Это был танец двух очень усталых людей, которые знали маршруты передвижения друг друга наизусть. Каждый обходил место, где второй должен поставить ногу. Каждое движение экономило силы другого.

Когда последняя капля была собрана, а испорченная дверца шкафа временно подперта стопкой книг Кастанеды (которые Женя обещал прочитать еще пять лет назад), они сдались.

Отодвинули подальше от опасной зоны единственный сухой пяточок пола. Евгений торжественно поставил туда две глубокие эмалированные миски салатного цвета. Сел в свою миску первым, чуть не перевернувшись — дно скользило по влажному линолеуму. Настя последовала его примеру.

Шпагат коробки хрустнул. Пицца была идеальной — края обожженные, середина мягкая, сыра столько, что он тянулся нитями до самого паркета.

Евгений зубами вытащил пробку из бутылки. Деревянный затычок поддался с сухим хлопком, похожим на выстрел детского пистолета.

Он разлил густую рубиновую жидкость по керамическим кружкам — бокалов у них не было, разбились еще в прошлом месяце во время спора о творчестве Тарковского.

— За что пьем? — спросил Женя, поднимая свою кружку. — За успешные собеседования? За сухую проводку? — Давай за то, — Настя сделала большой глоток. Вино оказалось именно таким, каким она его помнила — терпким, сложным, с нотками чего-то дикого, южного, выжженного солнцем. Совсем не подходящим для мисок на полу. — За то, что наш профиль теперь идеально соответствует стратегии выживания в условиях локального потопы. — Аминь, — кивнул Женя и тоже отпил. — Кстати, о стратегии. Та штука под раковиной... я заказал новую. Итальянскую. Придет завтра. Я подумал, раз уж я все равно разрушил твой внутренний дзен попыткой ремонта, могу хотя бы собрать мебель нормально. Икеевский стеллаж в спальне до сих пор стоит криво. Угол наклона полтора градуса. Это портит энергетику комнаты. — Энергетика комнаты сейчас полностью зависит от того, насколько быстро сохнет ламинат, — парировала Настя, накладывая себе кусок пиццы. — Женя? — М? — Меня уволили. Окончательно. Из мира нормальных людей с медицинской страховкой.

Евгений перестал жевать. Он смотрел на нее поверх ободка кружки. Вино окрасило его губы в фиолетовый цвет. Взгляд стал острым, внимательным, совсем не рассеянным. Таким она любила его больше всего — когда он снимал броню сарказма.

— Это значит, что твой график теперь свободен? — осторожно спросил он. — Абсолютно. Свободнее некуда. Могу ходить с тобой на утренние пробежки, которых ты избегаешь. Или научиться вязать. — Это значит, — Женя придвинулся ближе, его миска скрипнула по полу, — что теперь ты можешь закончить свой роман. Тот самый, про девочку, которая живет в маяке и коллекционирует голоса утопленников. Ты говорила, тебе нужен месяц тишины, чтобы свести главы. Без спешки, без офиса, без этих ваших спринтов. Месяц у тебя есть. Денег на еду нам хватит, если перейдем на диету святого Франциска. А вино... вино мы заслужили.

Настя замерла с куском пепперони на вилке. Роман. Она писала его ночами, украдкой, чувствуя себя преступницей. Воруя часы у сна и у подготовки к презентациям. История действительно была странной, мрачной, абсолютно некоммерческой. Про одиночество, море и невозможность докричаться до берега. Издательства воротили нос: «слишком темно», «героиня пассивна», «где арка персонажа?». Арка персонажа стояла подпираť дверь в ванную, залитую водой.

— Ты серьезно? — прошептала она. — У нас аренда через две недели. Плюс коммуналка. Плюс твоя очередная гениальная идея с NFT-кружками. — К черту кружки, — отрезал Женя. — Я устроюсь бариста. Варить кофе — это чистая математика и термодинамика. Справлюсь. Зато у моей жены будет синий переплет. Первый тираж. Я хочу подписать его первым. «Жене,

которая сидит со мной в одной миске, когда вокруг потоп. Спасибо, что не ушла к тому типу с винирами».

Слезы, настоящие, горячие, внезапно брызнули из глаз Насти. Она не рыдала — просто они сами катились по щекам, падая в остывающий сыр. Это были слезы не горя. Это были слезы капитуляции. Наконец-то. Она больше не должна была притворяться сильным игроком на рынке труда. Она могла просто быть. Среди своих утопленников, своего маяка и своего мужа, который умеет ломать трубы, но удивительно хорошо чинит трещины в душе.

— У тебя соус на носу, — сказала она, смаргивая влагу. — Где? — Женя полез вытираться рукавом. — Вот бестолочь, — Настя перегнулась через край своей миски, преодолевая сопротивление влажной ткани халата, и поцеловала его. Вкус вина, томатного соуса и дешевой зубной пасты показался ей вкуснее любого ресторанного дегустационного сета.

За окном темнело. Октябрьский дождь начал монотонно барабанить по стеклу, смывая городскую грязь. Старый панельный дом уютно поскрипывал, оседая. Где-то сверху включили телевизор — зазвучала навязчивая реклама стирального порошка. Жизнь огромного муравейника продолжалась, равнодушная к их маленькому персональному концу света.

Они сидели на полу до глубокой ночи. Допили бутылку. Заказали вторую, позвонив в круглосуточную доставку — мальчишка-курьер удивленно смотрел на двоих взрослых людей в халатах, принимающих алкоголь сидя на эмалированной посуде, но благоразумно промолчал. Коробка от первой пиццы служила им столиком для остатков еды.

Разговор тек лениво, перескакивая с воспоминаний о студенческом общежитии, где унитаз приходилось мыть хлоркой всей комнатой, на обсуждение финала романа. Женя оказался прекрасным редактором — он чувствовал фальшь в диалогах быстрее, чем находил течь в коммуникациях.

В третьем часу ночи Настя поняла, что засыпает прямо в миске. Спина затекла, ноги кололо иглами восстанавливающегося кровообращения.

— Пойдем, — Женя легко подхватил ее под мышки. Полотце развязалось, упало на пол. Он поднял ее на руки — такую легкую, теплую, разомлевшую от вина и усталости. — Наш брачный лайнер получил пробоину, но капитан держит штурвал. Курс на спальню. — Лево руля, — сонно пробормотала Настя, утыкаясь носом в его шею. — Там меньше пахнет болотом.

В спальне действительно было сухо. Постель казалась прохладной и невероятно приятельной. Женя уложил ее на свою сторону кровати — левая половина матраса традиционно принадлежала ему и хранила тепло его тела гораздо дольше.

— Я поставлю пару вентиляторов на пол, — сказал он, укрывая ее тяжелым одеялом до самого подбородка. — К утру должно высохнуть. Завтра вызовем клининг, пусть обработают антисептиком, а то заведется грибок, начнем видеть духов погибших цивилизаций. — Вызывай, — согласилась Настя, закрывая глаза. — Насть? — Что? — Я люблю тебя. Даже когда ты ешь пиццу ножом и вилкой. И даже когда плачешь из-за собачьего корма. — Я люблю тебя, даже когда ты строишь из себя Кулибина, — не открывая глаз, ответила она. — Выключай свет.

Щелкнул выключатель. Комната погрузилась в серый полумрак уличных фонарей. Настя слушала, как Женя ходит по квартире, щелкает клавишами ноутбука — наверняка ищет номер аварийной службы и смотрит цены на итальянские смесители. Обычные звуки безопасного пространства.

Сон наваливался мягкой, тяжелой волной. Последней осознанной мыслью было не сожаление об утраченной карьере и не страх перед неоплаченными счетами. Это было простое, ясное осознание: неважно, сколько дверей перед тобой закроют люди с идеальными винирами. Главное, чтобы дома кто-то мог отличить красный вентиль от синего. И чтобы этому кому-то можно было рассказать про голоса утопленников. Губы Насти тронула легкая, едва заметная улыбка, и через секунду она провалилась в глубокий, черный сон без сновидений, в котором шум прибора заменял мерный гул вентилятора, разгоняющего сырость над их кухней.

Глава 2. Искусство совместного сна

Утро началось не с будильника. Оно началось с локтя Евгения, который методично и безжалостно вдавливался Насте под ребра.

Она разлепила глаза ровно в тот момент, когда солнечный луч, пробившись сквозь щель между шторами цвета «бешеный лосось», ударил прямо по сетчатке. Луч был плотным, осязаемым, похожим на лазерный меч джедая. В луче плавали пылинки — миллионы микроскопических чешуек их собственной кожи, хлопья побелки с затопленной кухни и, кажется, чья-то надежда на светлое будущее.

Настя попыталась пошевелиться. Тело отозвалось глухой протестующей болью во всех суставах. Спать на полу оказалось отличной идеей для кинематографического примирения после потопы, но ужасной затеей для физиологии взрослого человека старше тридцати. Ламинат вытянул из нее все тепло, превратив позвоночник в негнущуюся бамбуковую палку.

Но холод снизу был лишь половиной беды. Вторая половина нависала сверху и сбоку в виде стокилограммового мужского тела, которое использовало Настю как тепловой барьер между собой и агрессивной средой вселенной.

Евгений спал звездочкой. Это была его врожденная суперсистема терморегуляции, выработанная годами жизни в плохо отапливаемых съемных квартирах. Он занимал девяносто процентов площади двуспального матраса, раскинув руки и ноги так, словно пытался изобразить морскую звезду, выброшенную на берег паники. Его правая рука лежала поперек Настиной шеи, используя ее ключицу как удобную подпорку для ладони. Нога была заброшена поверх обеих ног Насти, полностью блокируя пути к отступлению.

— Жень, — просипела она. Горло пересохло. Во рту стоял вкус вчерашней пепперони, дешевого вина и поражения. — Ты перекрыл мне сонную артерию. Я сейчас начну конвульсировать, и тебе придется писать объяснительную полиции. Текст будет состоять из одного слова: «Звездочка».

В ответ Евгений только громче засопел, уткнувшись носом ей в макушку. От него пахло кондиционером для белья «Альпийская свежесть» и чем-то глубоко мужским, уютным и совершенно невыносимым в шесть утра.

Настя начала стратегическое отступление. Операция требовала ювелирной точности. Она чуть приподняла голову, чтобы выскользнуть из-под его подбородка, затем миллиметр за миллиметром стала сдвигать плечо вправо, пытаясь освободить шею.

Это было ошибкой.

Тело Евгения восприняло появление свободного пространства как личное оскорбление и вакуум, который необходимо заполнить немедленно. Он издал низкий горловой звук, похожий на работу дизельного генератора, перевернулся на бок, подмяв Настю под себя, и прижал к матрасу всей массой своего спящего эго. Теперь она могла дышать только левой ноздрей.

Битва за территорию началась.

В любой паре существует негласный договор о границах. Обычно он регулируется легким пинком голенью под колено или дипломатическим перетягиванием одеяла. Но у них с Женей этот договор давно превратился в прокси-войну за выживание. Их матрас шириной сто восемьдесят сантиметров казался им размером с почтовую марку. И дело было не в габаритах Жени — хотя они, безусловно, играли роль. Дело было в том, что каждый из них защищал свой клочок психического суверенитета даже во сне.

— Ты спишь на самом краю! — прошипела Настя, упираясь обеими ладонями ему в грудь. Кожа была горячей и влажной. — Жень, если ты подвинешься еще на сантиметр, я окажусь на сквозняке под дверью ванной. Там живет монстр из плесени, мы вчера забыли про него поговорить!

— М-м-м-ф, — ответил Женя, не открывая глаз. Его губы исказили сложную гримасу. — Я боюсь упасть.

— Упасть? — Настя перестала толкаться и замерла, пораженная абсурдностью момента. — Женя, мы спим на матрасе на полу! Под нами три миллиметра старого советского ковролина, приклеенного к бетону намертво! Тут падать некуда, тут можно только скатиться!

— Вот именно! — вдруг четко произнес он, распахивая ясные серые глаза. Взгляд был абсолютно трезвым и очень серьезным. — Тут высоко! Пол жесткий. У меня старые травмы копчика. Помнишь, в две тысячи двенадцатом, когда я решил научиться паркуру?

Он говорил это с такой монументальной убежденностью, что Настя на секунду поверила в существование невидимого обрыва. Ей представился край Гранд-Каньона. Слева — пропасть бетонного пола. Справа — жаркий, храпящий континент имени Евгения. А она балансирует на узкой полоске ткани простыни, рискуя сорваться в геенну огненную пыльных кроликов.

— Твой копчик помнит падение Римской империи, — выдохнула она, чувствуя, как мышцы пресса начинают болеть от сдерживаемого смеха. — Сдай назад, Наполеон. Франция кончается здесь.

Евгений тяжело вздохнул. Процесс принятия решений давался ему мучительно, особенно до первой чашки кофе. Он начал совершать сложный маневр отката. Сначала убрал ногу. Настя судорожно втянула воздух освободившимися легкими. Затем он перенес вес на локоть. Матрас жалобно скрипнул пружинами.

Освободилось пространство. Целых тридцать сантиметров вожаемой территории возле стены.

Победа? Нет.

Как только Евгений сдвинулся к центру, сработал закон сохранения массы домашнего текстиля. Одеяло, тяжелый зимний «кокос» (летние покрывала в этом доме жили не дольше недели, погибая смертью храбрых в стиральных машинках), осталось там, где и было — то есть почти целиком под телом победителя.

Настя оказалась прижата спиной к холодной стене. Старые обои местами отходили от бетона, создавая неприятную фактуру наждачной бумаги. Но хуже всего был холод. Ледяной сквозняк полз по полу от окна, проникая под тонкую ткань ее футболки.

Она дернула одеяло на себя.

Одеяло не шелохнулось. Оно было придавлено тремя точками опоры: плечом, тазом и лодыжкой Евгения.

— Дай край, — потребовала Настя. — Мне холодно, — сонно пробубнил он, натягивая спасительную синтетику себе на ухо.

Началась молчаливая, жестокая война на истощение.

Тянуть одеяло рывками было бесполезно — Женя обладал рефлексом спящего питона. Любое резкое движение заставляло его рефлекторно сгруппироваться и намотать добычу на себя еще плотнее. Требовалась стратегия. Геополитика спальни.

Настя сменила тактику. Вместо того чтобы тянуть вниз, она начала медленно, буквально по миллиметру, перебирать пальцами ткань, закатывая одеяло в рулон со своей стороны. Это напоминало свиток папируса. Свиток страдания. Когда рулон достиг уровня груди Евгения, она применила рычаг. Уперлась босой пяткой ему в мягкое место ниже спины и резко дернула.

Раздался треск рвущейся нити.

Женя взвыл, подскочил на месте и сел, ошалело озираясь. Одеяло наконец-то рухнуло на Настю тяжелой, пыльной лавиной. Победа была одержана, но какой ценой. Простынь под ними сбилась в тугую жгут, впиваясь в бедра. Футболка задралась до лопаток, обнажив поясницу ледяному дыханию бетонного дома.

— Садист, — констатировал Евгений, массируя плечо. — Ты порвала мой любимый кокос. Моя бабушка подарила его нам на свадьбу. Сказала, что под ним мы будем плодиться

как кролики. — Мы плодимся исключительно плесенью на кухне, — буркнула Настя, закутываясь в трофей с головой. Внутри было темно, душно и восхитительно тепло. — Выходи из моего государства. Проведи демаркацию границы по линии твоей подушки.

— Не могу, — голос Жени звучал приглушенно, видимо, он упал обратно на подушку. — Если я лягу на свою половину, моя левая рука окажется в воздухе. Анатомия человека не рассчитана на такие издевательства. Инженеры мира, объединяйтесь. Кто проектировал эти кровати? Почему нельзя сделать просто ровный пол с подогревом и розетками для телефонов внутри?

Настя высунула нос из-под кокоса. Воздух снаружи обжигал легкие морозом.

— Женя, иди сюда. Замерзну.

Это была капитуляция. Акт величайшей дипломатической слабости. Но кончики пальцев на ногах уже потеряли чувствительность. Идеология хороша, когда температура тела выше тридцати шести градусов.

Евгений среагировал мгновенно. Словно только и ждал этого приглашения. Он перекатился через разделяющую их пустоту одним слитным движением большой сытой кошки, снова подмяв Настю под себя. На этот раз тепла было столько, что стало трудно дышать от жары.

— Так нормально? — спросил он куда-то в район ее солнечного сплетения. — Ты тяжелый, как надгробие, — простонала Настя, пытаясь вдохнуть. — Слезь с моих легких. — Я распределяю массу равномерно, — возразил он, устраиваясь удобнее. Его колено вклинилось между ее коленями с точностью хирургического инструмента. — Это называется «объятия типа морской узел». Повышает уровень окситоцина. Читай этикетку.

Они замерли. Две ложки, которые никак не могли подобрать правильный радиус кривизны.

Проблема совместного сна заключалась в том, что они оба были катастрофически невербальны. Они никогда не говорили: «Мне одиноко, придвинься». Они говорили: «Ты дышишь мне в затылок, отодвинься». Или: «Почему твоя ступня лежит на моем лице?» Любовь выражалась через пассивную агрессию и борьбу за микроклимат.

Настя предприняла последнюю попытку спасти остатки кровообращения в правой руке, которая оказалась зажата между ее же животом и грудной клеткой Жени. Она начала извиваться, как пойманная рыба.

— Куда? — сонно рыкнул Женя, усиливая захват. — Стой смирно, жертва гипоксии. Я тебя грею. — Ты меня мумифицируешь! — прохрипела она. — У меня лицо синеет. Посмотри на мои губы, они сливаются по тону с твоим полотенцем из прошлой главы!

Евгений фыркнул. Смех вызвал вибрацию его диафрагмы, которая передавалась напрямую Настиным ребрам.

— Ладно, — сдался он. — Предлагаю сделку века. — Только если она включает кислородную маску. — Включает. Я ложусь строго на спину. Как звезда. Ты ложишься ко мне под мышку. Буквой «Т». Голова на моей груди. Рука — твой персональный обогреватель. Ноги твои — в свободном полете куда хочешь. Но! — он поднял указательный палец свободной руки вверх. — Кондиционер теперь мой.

Над ними действительно висел старый, гудящий кондиционер «LG», переживший, судя по дизайну, дефолт девяносто восьмого года. Пульт от него потерялся еще при прошлом арендодателе. Работала только одна кнопка включения, дующая всегда в одном направлении — точно в правый глаз тому, кто спит у стены. Всю ночь Настя сохла под этим искусственным самумом, пока Женя блаженствовал в зоне турбулентности.

— Никогда, — твердо сказала Настя. — Твоя грудная клетка мокрая. Ты ночью потеешь, как марафонец. Я проснусь с лицом, прилепленным к твоему соску. И кондиционер ты забереешь себе, потому что любишь спать в холодильнике. Я превращусь в вяленую говядину. —

Значит, не договорились, — философски заключил Женя и усилил хватку, практически парализовав ее. — Оставляем статус-кво. Кстати, насчет вяленой говядины. Есть хочется зверски.

Желудок Насти предательски поддержал эту идею громким, протяжным урчанием, которое легко могло бы посоперничать с гулом труб накануне.

— Это не я, — соврала Настя стенам. — Это дом оседает. Скоро мы провалимся к соседям снизу окончательно, и вопрос с ремонтом их потолка решится сам собой. — Сосед снизу, кстати, утром заходил, — сказал Женя, слегка ослабляя мертвую хватку. Видимо, мысли о еде настраивали его на миролюбивый лад. — Рашид прислал его проверить, не протекло ли к ним опять. Мужик посмотрел на лужу в коридоре, на наш диван, который стоит на кирпичках, увидел нас... Извинился. Сказал, что думал, тут труп всплыл. Дал банку малинового варенья. Своего. Деревенского. — Где банка? — Настя оживилась настолько, что даже смогла немного повернуть голову. Варенье собственного приготовления было высшей формой извинения в русской культуре. Выше денег. Выше ремонта. — На стиральной машине. Прячь. Если кот увидит — конец сахарному обмену.

Кота у них не было. Кот исчез два года назад, ушел в окно первого этажа и не вернулся, выбрав свободу вместо лотка и сухого корма. Но привычка искать кота перед тем, как съесть что-то ценное, въелась в подкорку.

— Нам нужно встать, — вздохнула Настя, сдаваясь гравитации и биологии. — Иначе мы либо срастемся позвонками, либо умрем от голода. — Еще пять минут, — попросил Женя, зарываясь носом в ее волосы. — Просто полежим. Как люди. Без гаечных ключей, без резюме, без мыслей о том, что мы абсолютные банкроты во всех сферах бытия.

И вот эта фраза срезонировала совсем иначе, чем шутки про потоп.

Настя замерла. Банкроты. Вчера вечером, сидя в мисках на полу, это слово казалось смешным, частью перформанса. Утром, лежа на сбитой простыне, с рукой чужого мужчины на талии, оно ощущалось физически. Горьковатый привкус во рту появился вовсе не от пищи.

Ей двадцать девять. Ему тридцать пять. Ни нормальной работы, ни накоплений, ни медицинской страховки, которая покроет мануального терапевта для их скрюченных спин. Только долги, убитая панелька, ржавые трубы и умение смеяться над собственным крахом.

Евгений почувствовал, как изменилось ее дыхание. Как напряглись плечи под его рукой.

— Эй, — тихо позвал он. — Мысли-паразиты атаковали? Гони их тапком. — Я думаю о пенсии, Женя, — честно призналась она. — О том, что у меня нет пенсионных отчислений уже полгода. Когда я буду старая и беззубая, моим единственным активом останется этот матрас и твоя почка. — Отличный инвестиционный портфель, — хмыкнул Женя, но объятие стало жестче, защитным. — Смотри на вещи шире. Пенсия — это скучно. А у нас впереди целый день. День, за который нам никто не платит. Представляешь? Двадцать четыре часа чистого времени. Можно пойти гулять. Можно смотреть сериалы. Можно заняться сексом на этом замечательном ортопедическом матрасе фирмы «Сделано в России, проверено бомжами».

— У нас счета за электричество, — напомнила Настя, хотя сопротивляться его теплу становилось все сложнее. — И вода. И интернет. Без интернета ты не сможешь читать свои форумы сантехников. — Интернет оплачен на месяц вперед, — парировал он. — А воду мы вчера спустили в озеро. Бесплатно. Экономия. Видишь, я веду семейный бюджет.

Настя не выдержала и прыснула. Смех вырвался наружу дрожащим звуком, больше похожим на всхлип. Абсурдность ситуации накрыла с новой силой. Они лежат на полу, обмотавшись рваным зимним одеялом, обсуждают грабеж пенсионного фонда и планируют день, исходя из того, что у них есть бесплатная вода и оплаченный Wi-Fi.

— Ты ненормальный, — сказала она, поворачиваясь к нему лицом. Теперь они лежали нос к носу. Борода Жени приятно щекотала ей кожу. — Тебе тридцать пять лет. У тебя высшее техническое образование. Ты должен строить мосты или запускать ракеты. А ты лежишь на

полу и охраняешь мое тело от падения с высоты трех миллиметров. — Мосты иногда рушатся, — серьезно ответил Евгений, глядя ей прямо в глаза. В утреннем свете морщинки в уголках его глаз стали глубже. — А ракеты взрываются на старте. По крайней мере, когда я ломаю кран, я знаю, где проблема. В прокладке. Ее можно заменить.

Он сделал паузу, провел большим пальцем по ее скуле, стирая остатки вчерашней туши.

— Прокладка отношений у нас вроде цела, Настя. Хотя и подтекает временами сарказмом. Давай сегодня не будем чинить ничего, кроме завтрака.

Слово «завтрак» прозвучало как пароль. Желудок Насти снова подал голос, на этот раз одобрительный.

— Малиновое варенье? — уточнила она, поднимая бровь. — И овсянка, — кивнул Женя. — Настоящая, которую варить надо десять минут, а не заливать кипятком. У нас где-то была нормальная крупа, не та пластиковая дрянь. Я видел в шкафу. За пакетиком с гречкой двухтысячного года выпуска. — Гречку трогать запрещаю, — строго сказала Настя. — Это антиквариат. Ее можно продать на аукционе как артефакт эпохи стабильности.

Движение началось внезапно и хаотично, словно распутывание гордиева узла. Первым делом пришлось договориться о расцеплении конечностей. Левая нога Жени запуталась в правой ноге Насти сложным морским узлом «кошачья колыбель». Пока они распутывали ноги, руки сплелись заново.

В итоге они свалились с матраса на пол одновременно. Звук удара двух тел о ламинат получился сочным, влажным. Пыль поднялась маленьким облачком.

— Земля, — прохрипел Женя откуда-то снизу, погребенный под Настей. — Пришельцы, вы целы? — Кажется, твой копчик вспомнил все, — ответила Настя, откашливаясь от пыли. Коленка ныла. — Вставай, космонавт. Труба зовет. В смысле, чайник.

Подъем занял еще минут пять. Суставы хрустели. Настя впервые за долгое время почувствовала каждую мышцу своего тела. Казалось, что вчера она разгружала вагоны с углем, а не пыталась объяснить эйчару концепцию личного бренда.

Они вышли из спальни.

Квартира встретила их запахом сырости, хлорки (видимо, Женя успел-таки плеснуть чего-то дезинфицирующего в лужу) и обещанного малинового варенья. Банка действительно стояла на стиральной машине, прикрытая куском воценой бумаги, перетянутой резинкой. Рядом валялась распечатка квитанции ЖКХ, сиротливо брошенная на корзину с грязным бельем.

Настя прошла на кухню. Картина разрушения при дневном свете выглядела менее драматично, но более уныло. Темные пятна на стыках ламината, вздувшийся порожек. Дверца шкафа так и стояла, прислоненная к холодильнику, зияя пустыми петлями.

— Петли справа, — бросила Настя, проходя к плите. — Верхняя погнулась. Надо выпрямить молотком. — Будет сделано, адмирал, — козырнул Женя, направляясь в ванную. — Сначала гигиена. Потом углеводы. Потом мужской труд.

Пока Настя ставила чайник, она смотрела в окно. Двор был типичным московским колодцем: детская площадка с облупившейся краской, чахлые тополя, парковка, забитая машинами эконом-класса. Жизнь миллионов людей. Большинство из них сейчас тоже ненавидели утро понедельника, стояли в пробках или делали вид, что понимают Excel-таблицы.

У большинства из них были ипотеки. Четкие карьерные треки. Страховка ДМС. План развития на пять лет.

У Насти был холодный пол, мужчина, который боится упасть с матраса высотой в ладонь, и рукопись о мертвых морях.

Чайник шелкнул, отключаясь. Настя заварила чай. Тот самый, в пакетиках, дешевый, с ароматом бергамота, который отдавал вениками. Но сейчас, после ночи на полу, он пах победой.

Когда Женя вышел из душа, обмотанный тем самым банным полотенцем, с мокрыми волосами и гладко выбритым подбородком, он выглядел на удивление цивилизованно. Почти как человек, который может ходить на работу.

— Я нашел носки, — доложил он. — Разные. Один черный, другой серый в ромбик. Буду модным. — Главное, чтобы мозги работали разные, — усмехнулась Настя, подвигая к нему кружку. — Ешь давай. Овсянка готова.

Они завтракали в тишине. Это была хорошая тишина. Не та тяжелая, которая висит над людьми, которым не о чем говорить. А плотная, наполненная бытовыми звуками: стуком ложек о керамику, шипением масла на сковородке (Женя достал откуда-то яйца и теперь героически жарил яичницу), гулом холодильника.

Евгений ел быстро, жадно, как человек, восстановивший моторику после анабиоза. Запихивал в рот ложку за ложкой, намазывал черствый хлеб маслом, прихлебывал горячий чай.

— Я включил вентиляторы, — сказал он с набитым ртом, махнув рукой в сторону коридора. — Два штуки. Направил друг на друга. Создаем аэродинамическую трубу. К вечеру паркет будет сухим. Паркет — это я образно, конечно. Этот линолеум переживет ядерную зиму. — Спасибо, — просто сказала Настя.

Женя перестал жевать. Посмотрел на нее внимательно, сощурившись.

— Что? — насторожилась она. — У меня желток на носу? — Нет. Ты сказала «спасибо». Без уточнения. Обычно ты говоришь «спасибо, что не сжег квартиру» или «спасибо, что не убил таракана газетой». А сейчас просто «спасибо». Это значит... — Это значит, что я хочу десерт, — отрезала Настя, вставая. — Где обещанное варенье?

Банка открылась с тихим хлопком. Запах свежей малины, сахара и лета ударил в лицо, моментально вытеснив запахи хлорки и сырости. Настя взяла чистую ложку, зачерпнула густую, рубиновую массу с пенкой и отправила в рот.

Ягода лопнула на языке кисло-сладким взрывом. Это был вкус дачи. Вкус детства. Вкус той жизни, где самой большой проблемой было разбитое колено, а не просроченный кредит.

— Божественно, — промычала она с закрытыми глазами. — Женя, если ты привел нас к финансовому краху ради того, чтобы я попробовала это варенье, я тебя прощаю. Частично. — Ради этого и живем, — улыбнулся он, протягивая руку через стол и стирая пальцем каплю варенья с уголка ее губ. — Ради маленьких побед. Над плитой. Над водой. Над сном.

— Битва за сон проиграна, — напомнила Настя, перехватывая его руку и слизывая варенье с его пальца. — Ты захватчик и оккупант. — Зато перемирие вкусное, — пожал плечами Женя. — Какие планы у главнокомандующего на день? Штурм Озона? Диванные войска? — Диван стоит на кирпичках, — напомнила Настя. — Там не повоюешь. Знаешь... я открою файл.

Евгений замер с ложкой в руке.

— Правда? — Да. Маяк сам себя не напишет. И утопленники ждут команды. Раз уж у нас сегодня день вне системы, пусть хоть герои книги поживут.

Она подошла к столу, открыла ноутбук. Экран загорелся, показывая пустой белый лист вордовского документа. Курсор мигал в левом верхнем углу, ожидая приказов.

Настя села на единственный стул. Спинка стула была жесткой, сидеть было неудобно. Но это была правильная, рабочая неудобность.

— Я посадил батарею вчера, пока лазил под раковиной, — сказал Женя за ее спиной. — Сейчас поставлю на зарядку. И... Насть? — Мм? — Может, купим нормальный матрас? В рассрочку. Хотя бы односпальный. Чтобы спать поперек. Как белые люди. И чтобы я не боялся упасть.

Настя обернулась. Он стоял в дверях кухни, держа в руках пустую тарелку из-под яичницы. Солнечный луч из окна освещал его сзади, подсвечивая влажные волосы и щетину на щеках. Он выглядел бесконечно родным и нелепым.

— Поперек не поместимся, — вздохнула она. — Мы слишком привыкли спать вдоль. Валетом. Узлом. Лишь бы вместе.

Она развернулась обратно к экрану. Положила пальцы на клавиатуру. Тепло от батареи ноутбука начало согревать замерзшие костяшки.

Курсор продолжал мигать.

За окном зашумел лифт, выпуская кого-то на лестничную площадку. Соседи спешили жить свою правильную, застрахованную жизнь.

Настя набрала первую строчку: «Море в то утро не хотело отдавать своих мертвецов. Оно лениво качало их на волнах, словно проверяя карманы на наличие мелочи...»

Буквы черные. Лист белый. Позади сопит человек, который считает, что высота пола — это смертельная угроза. Впереди — тысяча слов, которые нужно написать до вечера.

Впервые за очень долгое время Настя почувствовала твердую почву под ногами. Пусть эта почва и состояла из скрипучего ламината, запаха мокрой штукатурки и надежды, тонкой, как нить сюжета.

Глава 3. Поход в супермаркет на голодный желудок

Голод — это не просто физиологическая потребность. Для человека, пережившего финансовый и экзистенциальный крах, голод становится формой протеста. Настя смотрела на миску из-под овсянки. Дно было чистым до скрипа. Евгений обладал удивительной способностью поглощать углеводы быстрее, чем они успевали осознать себя углеводами.

— Сахар в крови упал ниже уровня плинтуса, — констатировал Женя, поглаживая живот с видом римского патриция после сатурналии. — Если я сейчас не съем что-то жирное или мучное, мой мозг начнет переваривать сам себя. Начну с гиппокампа. Забуду таблицу умножения. — Ты ее никогда не знал, — напомнила Настя, закрывая крышку ноутбука. Курсир мигнул обиженно, но погас. Утро продуктивного писательства закончилось, едва начавшись. Текст про утопленников требовал мрачного сосредоточения, а мрачное сосредоточение невозможно, когда твой соавтор по жизни начинает грызть край кухонного стола от нехватки глюкозы.

— Значит, тем более надо спасать остатки интеллекта! — парировал он. — Я схожу за едой. — Список, — Настя выставила вперед указательный палец, как револьвер. — Только хлеб, молоко и... ладно, возьми еще яиц. И лука. У нас остался хоть один живой лук? Женя открыл овощной ящик холодильника. Заглянул внутрь. Пахнуло погребальной сыростью. — Луковица есть, — сообщил он. — Но она смотрит на меня с такой вселенской тоской, что я боюсь, если ее разрежу, внутри окажется записка «Помогите». Давай лучше купим свежий. И мясо. Какое-нибудь простое мясо, чтобы бросить на сковородку и почувствовать себя хищниками, а не библиотечной пылью. — Бюджет, Женя, — вздохнула Настя. — Помнишь это слово? Оно означает зеленые бумажки, которые мы отдаем чужим людям, чтобы нам разрешили спать на полу. — Творчество требует калорий, — нашелся он. — А у тебя впереди маяк. Маяк без колбасы светит тускло. Это метафора такая.

Он уже обувался в прихожей, прыгая на одной ноге. На нем были те самые разные носки. Черный смотрелся строго, почти траурно, а серый в ромбик добавлял образу нотку безумного клоуна. Поверх вчерашней футболки он натянул свою лучшую джинсовку — единственную вещь в гардеробе, которая стоила дороже тысячи рублей и имела целую молнию.

Настя знала этот взгляд. Взгляд стратега, идущего на амбразуру супермаркета. Спорить было бесполезно. Голодный Евгений в магазине был опаснее тайфуна. Он сметал полки не ради насыщения, а ради эстетического удовлетворения паники пустого желудка.

— Возьмешь рюкзак, — приказала она, швыряя ему потертую брезентовую сумку. — Никаких тележек. Тележка — это портал в долговую яму. Рюкзак имеет конечный объем физики. Против материи не попрешь. — Есть, капитан! — гаркнул он, ловко поймал рюкзак и выскользнул за дверь. — Вернусь героем!

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок.

Настя осталась одна. В квартире пахло хлоркой, малиновым вареньем и высыхающим отчаянием. Она подошла к окну. Двор жил своей жизнью: мамочки выгуливали коляски, дворник-таджик мел листья с методичностью метронома, сигнализация чьей-то машины орала дурным голосом. Обыденность. Та самая нормальная жизнь, которую Настя провалила на собеседовании.

Она тряхнула головой, отгоняя липкую жалость к себе. Прошлой утро встретило ее отказом эйчара. Это встречало ее тишиной и возможностью писать. Сделка была выгодной. Просто немного пугала отсутствием страховки.

Чтобы отвлечься, она решила заняться делом. Настоящим взрослым делом. Разбором последствий потопа. Ламинат в коридоре пошел волнами, напоминая штормовое море. Один вентилятор, направленный Евгением, честно гнал воздух, поднимая пыль столбом. Настя опу-

стилась на колени. Провела рукой по вздувшемуся стыку планок. Под пальцами ощущалась губчатая влажность.

«Нужно вытащить поврежденные доски», — подумала она. Инженерная мысль Жени всегда работала только на этапе разрушения. Сборка и сушка ложились на ее плечи.

Она прошла на кухню, открыла тот самый ящик, где обитала скорбящая луковица. Рядом с ней лежал рулон плотных черных мусорных пакетов. Настя взяла один, расправила. Пакет казался похожим на саван. Саван для их иллюзий о взрослой самостоятельной жизни.

Внезапно за дверью раздался шум лифта. Тяжелый лязг тормозов на этаже. Снова щелчок замка.

Евгений вернулся подозрительно быстро. Прошло от силы пятнадцать минут. Обычно его походы за хлебом длились около часа и включали в себя изучение состава всех макарон в отделе бакалеи.

Он вошел плечом вперед, потому что руки были заняты. Нет, не рюкзаком. В правой руке он держал здоровенную пластиковую корзину из супермаркета. Таковую желтую, с облупившейся краской на ручке. Корзина была забита доверху, образуя над бортиками шаткий зиккурат из продуктов. В левой руке он нес огромный бумажный пакет из кондитерской, который опасно кренился набок под тяжестью содержимого.

— Капитан докладывает: торговый флот захвачен, — пропыхтел Женья, пытаясь закрыть входную дверь пятой точкой. — Контрабанда доставлена. Пришлось брать такси от магазина, корзина не влезла в багажник самоката.

Настя медленно сползла по стене на пол, прямо в коридоре, рядом с мокрым ботинком мужа.

— Что это? — прошептала она, глядя на вершину продуктовой пирамиды, где гордо возвышалась банка маринованных артишоков. — Женья, зачем нам артишоки? Мы даже не знаем, где у них съедобная часть. Это еда для персонажей Джейн Остин. — Они были желтые, — серьезно ответил Евгений, протискиваясь мимо нее в кухню. Желтый цвет явно служил для него главным критерием жизненной необходимости. — Цвет радости. Нам нужна радость, Настя. Посмотри на наш ламинат. Он цвета депрессии.

Он сгрузил корзину на табурет. Табурет скрипнул и присел на задние ножки.

Началась инвентаризация трофеев.

Первым на свет явилась палка салями твердого копчения. За ней последовала головка сыра Маасдам с дырками размером с кулак. Затем — три банки оливок разных сортов (с анчоусом, с лимоном и просто гигантские), багет, чья корочка хрустела так громко, что кот бы проснулся этажом ниже, пачка лингвини номер пять, соус песто в стеклянной банке и...

— Настя, зачем нам пять упаковок сыра? — обреченно спросил Женья, выуживая из недр корзины разноцветные бруски. Камамбер, дорблю, плавленый «дружба» (видимо, для баланса вселенной), какой-то козий с плесенью и сулугуни. — Пять. Разных. Мы столько не съедим до Апокалипсиса. — Он был по акции! — вспыхнула Настя, инстинктивно прижимая к груди упаковку камамбера. — Три по цене двух! Математика, Женья! Элементарная математика выживания! Сыр не портится, он эволюционирует. Дорблю может жить в нашем холодильнике годами, становясь только благороднее. Это инвестиция! — Инвестиция во французский запах ног, — пробурчал он, но спорить дальше не стал. Запах распакованного камамбера уже начал заполнять пространство кухни плотной, аммиачной волной.

Следующим пунктом программы стала выпечка. Женья торжественно поставил на стол бумажный пакет. Внутри оказались два эклера с заварным кремом, наполеон, выглядящий как чертеж идеальной архитектуры, и...

— А этот торт? — ткнул пальцем Женья. — Медовый. Килограмм веса. Там меда больше, чем в ульях всей Тамбовской области. Зачем? У нас же диабет начнется через час. — У него грустный вид, — тихо ответила Настя, осторожно касаясь пальцем пластиковой крышки кон-

тейнера. — Он стоял на нижней полке холодильной витрины. Самый последний. Все нарядные пирожные с вишенками разобрали, а этот... у него глазурь чуть потрескалась с одного боку. Я посмотрела на него и поняла, что если мы его не заберем, его никто не заберет. Его съедят критики кулинарных шоу. Я его спасу. Дам дом.

Женя посмотрел на жену. Потом на торт. Потом снова на жену. Уголки его губ дрогнули. — Господи, за что мне это, — простонал он, но в голосе не было злости. Была усталая нежность. — Ты эмпатируешь выпечке. Следующая стадия — ты начнешь кормить голубей таблетками от кашля, потому что им холодно.

Но настоящий удар ждал его на дне корзины. Когда Женя попытался достать последнюю упаковку влажных салфеток, его рука наткнулась на что-то мягкое, шуршащее и тяжелое.

Он вытащил это на свет. Это был большой, ярко-синий мешок корма премиум-класса. На лицевой стороне упаковки огромный рыжий кот породы мейн-кун смотрел на них с фотографии взглядом оскорбленного аристократа. Мешок весил килограммов семь.

— А корм для кота? — севшим голосом спросил Евгений. — Настя. У нас нет кота. У нас аллергия на шерсть, ипотека на хомяка в прошлой жизни и протекающий потолок. Откуда здесь кот? — Будет, — отрезала Настя, скрестив руки на груди. Она стояла в позе Наполеона перед Ватерлоо. — Он тоже грустный. Видишь надпись? «Для стерилизованных животных с чувствительным пищеварением». Звучит как диагноз половины нашей семьи. Ему нужен специальный уход. И белок тридцать два процента. — Мы сами едим доширак! — взвыл Женя, хватаясь за голову. — Какой кот?! Где он будет спать? На твоём лице? Ты и так просыпаешься с моим соском во рту, теперь будешь с шерстью! — Он будет спать на тебе, — невозмутимо парировала Настя. — Ты теплая грелка весом в центнер. Идеальный биоматрац. Кот решит проблему твоей бессонницы — ты перестанешь бояться упасть с пола, потому что сверху тебя придавит семь кило мурчащего тестостерона.

Евгений открыл рот. Закрыл. Посмотрел на синий мешок. Потом на медовый торт с трещиной. Потом на пять видов сыра, источающих ароматы старого французского погреба.

Логика рушилась. Финансовый план на неделю летел в бездну вслед за пенсионными накоплениями. Но посреди этого гастрономического безумия была своя страшная, отчаянная правда. Они покупали не еду. Они покупали иллюзию изобилия. Иллюзию того, что завтра наступит, и оно будет вкусным.

— Ладно, — сдался Женя. — Допустим. Кот — это аргумент. Но скажи мне... — он порылся в корзине и извлек оттуда банку корнишонов и банку тушенки производства Йошкар-Олы. — ...как связаны между собой артишоки, элитный кошачий протеин и вот эта тушенка, которой можно забивать гвозди? — Меню сбалансировано, — заявила Настя, начиная разгружать корзину. — Сегодня днем мы будем утонченными парижанами: вино, багет, сыр. Вечером, когда деньги закончатся, мы станем суровыми выживальщиками: откроем тушенку, макнем туда черный хлеб и будем смотреть в стену, готовясь к ядерной зиме. Артишоки — это декор. Поставим на полку. Будем показывать гостям, доказывая, что мы культурные люди, а не просто сожрали килограмм медавика.

Она остановилась. Взгляд ее упал на бутылку вина, торчащую из бокового кармана корзины. Не крымское домашнее, которое они пили вчера из кружек. Это была дорогая итальянская бутылка, тяжелая, из темно-зеленого стекла, с сургучной печатью.

— Это вообще почему? — ужаснулся Женя, проследив за ее взглядом. Кажется, до него только сейчас начало доходить реальное состояние их банковского приложения. — Это для особого случая, — твердо сказала Настя, ставя бутылку на верхнюю полку холодильника, подальше от греха. — Например, если мы выплатим долг за коммуналку. Или если издательство возьмет рукопись. Или если мы наконец купим матрас. Это бутылка надежды, Женя. Ее нельзя пить просто так. От простого голода она скиснет.

Евгений тяжело опустился на табурет. Тот издал предсмертный треск, но выдержал. Он обвел взглядом заставленный продуктами стол. Багет, сыры, оливки, колбаса, торт, несчастный лук, тушенка, артишоки и синий мешок с портретом мейн-куна.

— Мы банкроты, — сказал он с интонацией ученого, сделавшего великое открытие. — Абсолютные, клинические банкроты. Но знаешь что? — Что? — Настя замерла с банкой оли-
вок в руках. — Мне нравится быть вашим банкротом, — улыбнулся он. — Пойду поставлю чайник. Надо зарядиться сахаром, пока мозг окончательно не перешел на питание камнями. Кстати, нож для паштета мы потеряли в прошлом году. Придется резать сыр кредиткой.

Оставшись одна на кухне, Настя провела рукой по прохладному стеклу банки с артишо-
ками. Желтая этикетка действительно радовала глаз. Абсурдность происходящего перестала пугать. Вчера они тонули. Сегодня они устраивали пир во время чумы.

Она открыла холодильник. Старенький «Стинол» жалобно булькнул компрессором, при-
нимая в свое нутро деликатесы. Настя начала выстраивать продукты на полках. Бутылку с мас-
лом — к дальней стенке. Сыры — на самую холодную полку, пусть сохнут правильно. Медо-
вый торт занял почетное центральное место на дверце. Он больше не выглядел грустным. Он
выглядел победителем.

Синий мешок корма пришлось оставить на полу. Холодильник отвергал такую массу
бытия. Настя села на стул прямо перед мешком. Буквы «гипоаллергенный состав» слегка мер-
цали в свете люминесцентной лампы.

Кота не было. Но теперь у кота было имя. Еда. И статус. Статус причины, по которой
им нужно выжить. Нельзя заводить животное, имея долги за воду. Значит, нужно работать.
Писать быстрее. Продавать тексты на биржах за копейки, если придется. Вычищать штампы из
диалогов. Делать своих мертвых моряков живыми настолько, чтобы редактор забыл спросить
про медицинскую страховку автора.

Тишину квартиры пререзал громкий, требовательный звук.

Настя вздрогнула. Сердце ухнуло куда-то в область желудка. Звук повторился. Низкий,
вибрирующий, полный праведного негодования.

Мя-я-я-у.

Долгое, протяжное, переходящее в утробный рык. Звук шел откуда-то снизу, словно виб-
рировали сами перекрытия дома.

Настя вскочила. Женя вылетел из ванной с зубной щеткой в зубах, похожий на перепу-
ганного бобра.

— Это оно? — промычал он щеткой. — Призрак коммунизма? Или соседи начали риту-
алы Вуду? — Это снизу, — прошептала Настя, прислушиваясь. — Соседи. У них кот. Он орет
уже третий день, я думала, это трубы стонут.

Звук снова повторился. Теперь он был адресным. Казалось, невидимый зверь сидит
прямо под батареей и ругается конкретно на Настины тапочки.

— План меняется, — глаза Евгения загорелись опасным огнем авантюризма. Он вынул
щетку изо рта. — Одевайся. — Куда? — опешила Настя. — Идти знакомиться. Нельзя при-
водить ребенка в дом, не посоветовавшись с родителями. Тем более, ребенок там уже живет.
Нужно занять соли. Или сахара. Или попросить телефон позвонить. Классика жанра. Прони-
каем в тыл, оцениваем обстановку, узнаем, кастрирован ли конкурент.

Через три минуты Настя стояла в прихожей. На ней все еще была домашняя футболка с
пятном от чая, но поверх она накинула чистую куртку. Волосы она кое-как пригладила водой
из-под крана.

— Готова? — Женя критически осмотрел ее с головы до ног. — Лицо делай интелли-
гентное. Типа: «Мы ваши новые соседи, извините за озеро, культура объединяет людей». —
Женя, мы идем воровать чужого кота, — напомнила Настя. — Какое тут объединение культур?

— Высокие дипломатические переговоры, — поправил он. — Держи в залог сыр. Сулугуни. Им нельзя бить по лицу, он слишком мягкий, но выглядит убедительно.

Этажом ниже жила квартира сорок два. Обивка двери была из дешевого дерматина, прибитого канцелярскими кнопками. Из-за двери снова донеслось надрывное «Мя-а-ау!». В звуке слышалась вся боль еврейского народа, запертого в Египте.

Евгений решительно нажал на кнопку звонка. Раздалась пронзительная, дребезжащая трель.

За дверью послышалась возня, шарканье стоптанных тапок и недовольное женское: — Кто там? Ироды, опять счетчики проверять? Сказано вам русским языком — померли мои счетчики вместе с Брежневым!

Голос был старческий, скрипучий, но сильный. Голос человека, пережившего ремонт своими силами, развал СССР и смену пяти поколений пылесосов «Ракета».

— Добрый день! — жизнерадостно прокричал Женя в замочную скважину. — Мы ваши соседи сверху! Анастасия и Евгений! Приносим глубочайшие извинения за вчерашний инцидент с гидросферой! Хотели загладить вину культурно-продовольственным путем!

Пауза. Скрип половиц. Звук снимаемой цепочки — тяжелой, советской, способной удерживать танк.

Дверь приоткрылась на длину латунной цепочки. В щели показалось лицо. Круглое, морщинистое, как печеное яблоко. Седые волосы уложены в тугий пучок, закрепленный карандашом. На носу сидели очки с толстыми линзами, за которыми глаза казались огромными и голубыми, как блюдца. Женщина была одута в байковый халат неопределимого бурого цвета.

— Чего надо? — подозрительно спросила она. Глаз метнулся от сияющего лица Жени к пакету с логотипом супермаркета, который он держал в руках. — Опять секты? Я Библию читала, там про конец света ничего не сказано про доставку еды, сплошная вода и саранча. — Мы не секта, мы потребители! — выпалил Женя. — Видим, у вас кот страдает. Решили предложить гуманитарную помощь. Мировому сообществу.

Старуха перевела взгляд на Настю. Оценила ее помятый вид. Задержалась на домашнем чаепитном пятне на груди.

— Чего с котом? — буркнула она, но цепочку снимать не спешила. — Орет, — честно призналась Настя. — Жалобно. Прямо душу выворачивает. У нас писательский кризис, нервы ни к черту, мы на него отвлекаемся. Решили узнать, может, он дам просит? Или правительство свергает?

Старуха фыркнула. Из глубины квартиры снова донеслось басовитое «Мя-я-ау!». — Да никуда он не хочет, кроме лотка своего! — рявкнула хозяйка в сторону квартиры. — Старый он, Рамзес Филиппович! Песок свой сыпать перестал, почки шалят, диета нужна спецусная. Третий день таблетки даю, а он обиделся. Демонстративно гадит под фикус. Интеллигент, туды его в качель.

Имя «Рамзес Филиппович» добило Настю. Она зажала рот рукой, давя смех. Евгений закашлялся.

— Рамзес... монументально, — выдавил Женя. — Аграфена Кондратьевна, может, впусти? Мы тут случайно купили мешок корма для породистых аристократов. Думали, заведем кого... потом. А пока давайте вашего монарха угостим? Вдруг ему белка тридцать два процента пойдет? Глядишь, и песок пойдет веселее.

Аграфена Кондратьевна задумалась. Цепочка звякнула. Массивная железная дверь открылась полностью, являя взгляду прихожую, застеленную старыми ковровыми дорожками. Пахло валерьянкой, жареным луком и кошачьим туалетом.

— Ну заходите, коль не шутите, — смиловилась старуха. — Только бахилы наденьте, я полы мыла третьего дня, чистые еще. И не дышите на меня сыром, терпеть не могу французскую вонь.

Они вошли. Женя суетливо разувался, балансируя с пакетом. Настя скользнула взглядом по интерьеру. Старая мебель из восьмидесятых, сервант с хрусталем, телевизор «Рубин» на тумбе. Музей советского благополучия.

— Лоток менять сил нет, — продолжала жаловаться Аграфена Кондратьевна, ведя их на кухню. — Радикулит прихватил. Соседка обещала зайти, да видно, запила опять. А этот лежит на подоконнике, на солнце греется, жрать просит, а делать дела — гордость не велит. Барин!

На широком кухонном подоконнике, среди горшков с геранью, возлежал Рамзес Филиппович.

Это был не мейн-кун. Это был обычный сибирский кот, крупный, дымчатого окраса, с порванным в боях левым ухом. Сейчас это ухо было прижато, а сама морда выражала такое глубокое презрение к мирозданию, что Настя почувствовала родство душ. Кот переводил взгляд с хозяев на гостей, беззвучно открывая розовую пасть. Хриплый мямл вырвался наружу.

— Вот, полюбуйтесь, — кивнула старуха на кота. — Орденоносец. Всех мышей в подъезде извел в девяносто восьмом. Ныне — инвалид умственного труда.

Евгений, не дожидаясь приглашения, уже открывал синий мешок. Сухой корм с тихим стеклянным шорохом посыпался в старую алюминиевую миску, стоящую на газете.

Рамзес Филиппович напрягся. Шерсть на загривке встала дыбом. Он свесил голову с подоконника, принялся. Нос его затрепетал. Белок тридцать два процента победил классовую ненависть.

Кот мягко прыгнул на линолеум. Подошел. Обнюхал миску. Оглянулся на Настю, словно спрашивая разрешения у высшей инстанции. Получив невидимое одобрение, он принялся есть. Ел он деликатно, но жадно. Челюсти работали мощно, перемалывая гранулы. Звук хруста заполнял кухню.

— Лопаёт, — с изумлением констатировала Аграфена Кондратьевна. — Батюшки. А говорил — химия химией. Мой-то старый корм ему вонял, видите ли. Морду воротил. А ваш лопаёт. Интеллигент недобитый.

Пока кот совершал акт примирения с реальностью, Настя осматривала кухню. И тут ее профессиональный взгляд зацепился за деталь. На столе, заваленном пузырьками с сердечными каплями и квитанциями за газ, стояла старая печатная машинка «Любава». Настоящая, черная, с пожелтевшими клавишами. Лента была заправлена, каретка замерла на середине строки.

— Печатаете? — кивнула Настя на машинку. — Письма внуку пишу, — подобрела лицом старуха. — Он у меня в Сибири служит. По контракту. Электронные эти ваши не люблю, душа в них мертвая. А бумага — она терпит. И перечитывать приятно. Пергамент истории, так сказать.

Между Настей и Аграфеной Кондратьевной проскочила искра. Искра понимания двух людей, предпочитающих физическое прикосновение к буквам цифровому эфиру.

— Вы проходите, садитесь, — засуетилась вдруг старуха, заметив, что гости стоят. — Чайник сейчас поставлю. У меня вафли остались, лимонные. Сама пекла, без этой вашей пальмы. — Мы не можем, у нас там... проект, — начала было Настя, но Женя уже сидел за столом, выложив локти на клеенку, и наглым образом нарезал багет карманным ножом прямо на тарелке хозяйки. — Проект подождет! — заявил он, щедро намазывая кусок хлеба сливочным маслом. — Аграфена Кондратьевна, расскажите лучше, как в семидесятом году очередь за югославскими сапогами отстаивали. Молодежи полезно знать правду жизни.

Следующий час прошел в густом сиропе гостеприимства. Чайник сипел на плите. Рамзес Филиппович, обожравшись премиального корма, подошел к Настиним ногам, потерся о них лбом, оставив несколько шерстинок на домашней ткани, и громко, сыто замурчал. Мурчание работало как дизельный генератор умиротворения.

Аграфена Кондратьевна оказалась кладезем историй. Она рассказывала про управдома-душегуба, про дефицит растворимого кофе, про то, как выносила детей из огня (это ока-

залось преувеличением, вынесла она лишь кастрюлю с борщом, но масштаб трагедии рос с каждой чашкой).

Женя слушал, раскрыв рот. Он съел половину багета, солидную долю масла и теперь крутил в руках конфету «Коровка», рассматривая фантик как артефакт палеолита.

Настя чувствовала, как напряжение последних месяцев отпускает. Здесь, в этой тесной кухоньке с запахом ванили и кошачьего тепла, не было места КРІ, дедлайнам и стратегии развития шпичев. Здесь была только жизнь. Медленная, неудобная, состоящая из радикулита и любви к старой печатной машинке.

— А муж-то у тебя хороший, — внезапно сказала Аграфена Кондратьевна, прерывая собственный монолог о вреде пластиковых окон. — Глаза у него дурашливые, конечно, но руки золотые. И на тебя смотрит, как на икону чудотворную, хотя ты бледная совсем, кушаешь мало. Художник? — Писатель, — буркнула Настя, краснея. — Понятно, — кивнула старуха. — То-то смотрю, глазами всё по стенам шарить, будто текст считаешь. Трудное дело. Неблагодарное. Внуку говорю — иди в юристы, там взятки берут. А он всё в свои танки стреляет.

Когда они наконец собрались уходить (спровоцированные тем, что Женя начал учить старуху пользоваться смартфоном, показывая ей мем с танцующими хомяками), Аграфена Кондратьевна остановила их в дверях.

— Корм приносите, — сказала она строго. — Хороший больно. Денег не надо, пенсию приносят вовремя, на еду хватает. А кот балованный растет, пускай ест барское. Только чеснок в колбасу не кладите, у него от чеснока метеоризм случается, а у меня обои моющиеся кончились. — Поняли, матушка, — бодро отозвался Женя. — Диета строгого режима. — И вот, — старуха скрылась в глубине комнаты и вернулась, неся завернутый в чистое вафельное полотенце увесистый газетный сверток. — Вам. Чтобы не думали, что объели бабку.

Настя развернула ткань уже на лестничной площадке. Внутри оказался внушительный кусок домашнего мясного рулета, истекающего соком, и трехлитровая банка соленых огурцов.

— Возвращаю вашу продовольственную корзину, — усмехнулась Аграфена Кондратьевна, запирая дверь. — Только сыр заберите, дышать нечем. Французов этих ваших травить таким сыром, чтоб знали.

Подъем на пятый этаж занял вечность. Они тащили добычу. Женя нес банку огурцов, прижимая ее к груди как младенца. Настя держала мясной рулет. От рулета исходил дух чеснока, черного перца и настоящего мяса.

В квартиру они ввалились запыхавшиеся, грязные (бахилы слетели еще у Рамзеса) и абсолютно счастливые.

Квартира встретила их изменившимся светом. Солнце поднялось выше, лучи стали золотыми, пробиваясь сквозь пыль, поднятую вентиляторами. Ламинат блестел лужами в тех местах, где струя воздуха попадала на влагу.

— Знаешь, — сказал Женя, ставя банку на стол рядом с недоеденным медовым тортом. Контраст эпох получился живописным. — Я понял главную проблему нашего брака. — Кроме того, что ты занимаешь всю кровать? — уточнила Настя, выкладывая рулет на разделочную доску. Нож вошел в плоть мяса с приятным упругим сопротивлением. — Мы пытаемся жить как взрослые, — серьезно произнес он. — Ходить на работу, платить налоги, чинить краны по инструкции. А надо жить как Рамзес Филиппович. Проснулся — пожрал самого лучшего. Нагадил под фикус, если настроение плохое. Полежал на солнце. И главное — если кто-то купил вкусный корм, идти и требовать ласки, пока не дадут.

Он подошел к Насе сзади, обнял за талию, положив подбородок ей на плечо. От него пахло чужой квартирой, старым домом и счастьем.

— У нас ведь получится? — тихо спросила она, глядя на отражение их двоих в темном экране выключенного телевизора. — С романом. С полом. С жизнью. — Конечно, — уверенно соврал Женя. — Смотри.

Он указал на окно. За стеклом, на ветке тополя, сидела обычная серая ворона. В клюве она держала кусок фольги от шоколадки. Ворона переложила блестящую бумажку в одну лапку, важно переступила с ноги на ногу и каркнула на весь двор. В этом карканье звучало такое неприкрытое торжество собственника, что сомневаться не приходилось.

— Видишь? — прошептал Женя. — Даже птица понимает искусство владения блестящим мусором. А мы чем хуже? У нас целый медовый торт и рулон туалетной бумаги из запасов МЧС. Мы богачи, Настя.

Настя повернулась в его руках. Положила ладони ему на щеки. Щетина кололась. Губы пересохли. Она поцеловала его — коротко, крепко, вкусом соленого масла и сладкого чая.

— Иди разложи сыр, — сказала она, отстраняясь. — Только открой окно, а то Рамзесом несет на три квартала. И включи вентилятор на меня. Я буду писать. После такого количества чужой драмы мне срочно нужно написать свою, иначе голова взорвется.

Евгений театрально поклонился и отправился на кухню воевать с рокфором. Настя снова села за ноутбук. Экран все еще был пуст. Но теперь пустота не пугала. Она была чистой страницей, готовой принять историю. Историю о том, как любовь измеряется не квадратными метрами жилой площади, а количеством сыра, купленного по акции, и готовностью спуститься на этаж ниже ради сытого брюха чужого кота.

Она напечатала заголовок: «Голоса утопленников» И перешла к первой главе. Справа, на краю стола, в лучах утреннего солнца грелась маленькая серая шерстинка, случайно оставленная императором Рамзесом Филипповичем. Маленький якорь реальности.

Глава 4. Разговор о «будущем» (через 5 минут)

Тишина, наступившая после ухода Аграфены Кондратьевны и Рамзеса Филипповича, была плотной, как застывающий холодец. Вентиляторы продолжали гудеть свою монотонную похоронную песнь ламинату, гоняя по квартире запахи озона, хлорки и чужого кошачьего величия.

Настя сидела перед ноутбуком уже полчаса. Курсор мигал в начале первой строки с издевательским постоянством метронома на приеме у кардиолога. «Голоса утопленников...» — гласил заголовок. Дальше буквы не шли. Слова про море казались сейчас фальшивыми, пластиковыми ракушками из отдела детских игрушек. После визита к Аграфене Кондратьевне печатать про экзистенциальный ужас было невозможно. Настоящий ужас пах валерьянкой и требовал сменить лоток.

За спиной раздался звук, который Настя научилась классифицировать как «интеллектуальную деградацию высшего порядка». Это был хруст целлофана. Женя распаковывал сыр.

Он сидел на полу, скрестив ноги по-турецки, прямо посреди коридора, используя перевернутую крышку от коробки из-под обуви как стол. Перед ним лежала вся артиллерия утреннего набега: камамбер дорос до состояния химической атаки, сулугуни ждал своей участи, а нож для масла совершал над ними ритуальные пассы.

— Жень, — не оборачиваясь, позвала Настя. Пальцы зависли над клавиатурой. — Ты когда-нибудь думал, где мы будем через пять лет?

Хруст прекратился. Нож замер над дырявым сердцем французского сыра. Евгений молчал так долго, что Настя решила — он не услышал. Она уже хотела повторить вопрос громче, но тут из-за спины донеслось:

— В лучшем мире. Или в Тайланде.

Настя медленно закрыла глаза. Сосчитала до десяти. Представила белый песок, пальмы и отсутствие долгов. Затем открыла глаза и уставилась на мигающий курсор. — Я серьезно! — голос ее прозвучал слишком высоко, выдавая натянутую струну терпения. — Карьера, дети, ипотека...

Женя тяжело вздохнул. Звук получился таким густым и материальным, что его можно было намазывать на тот самый багет. Он отложил нож и повернулся к ней всем корпусом. На футболке красовалось новое жирное пятно — предположительно, сливочное масло начало партизанскую войну за территорию ткани.

— Настя, давай сначала определимся с роллами, — произнес он тоном профессора, читающего лекцию первокурсникам. — С детьми сложнее, они не доставляются так быстро. Минимум сорок недель производства плюс логистика. А суши привезут за час. У нас есть шанс увидеть ужин еще до наступления деменции.

Он говорил это абсолютно искренне. Для Евгения горизонт планирования заканчивался там, где начиналось чувство голода или разрядка аккумулятора телефона ниже двадцати процентов. Все, что выходило за рамки сегодняшнего вечера, существовало в какой-то туманной, абстрактной дымке, населенной единорогами и налоговыми вычетами.

— Роллы? — переспросила Настя, чувствуя, как начинает дергаться правый глаз. — Мы только что съели килограмм медовика, половину мясного рулета бабки Аграфены, оливок больше, чем население Греции, и ты хочешь добавить туда клейкий рис и сырую рыбу? Твой желудок — это братская могила углеводов! — Желудок расширяется, я проверял анатомический атлас, — парировал Женя, возвращаясь к сыру. — И потом, нам нужны силы. Ты же сама сказала — писать. Мозг потребляет глюкозу. Рис — это чистая, дистиллированная космическая энергия. Мы закажем сет «Фудзияма». Там много угря. Угорь полезен для мозгового кровообращения. Будешь выдавать по три главы в день. Издательство рыдать будет.

Настя развернулась на вращающемся кресле. Старый механизм скрипнул, осыпав спину сухой краской. Евгений выглядел умиротворенным. Он нарезал сулугуни неровными, толстыми ломтями и отправлял их в рот один за другим, прикрывая глаза от удовольствия. Рядом с ним, на полу, спал спасенный мешок кошачьего корма. Вся эта композиция напоминала картину сюрреалиста «Одиночество потребителя».

— Посмотри на себя, — она махнула рукой в сторону окна. За стеклом сгушались октябрьские сумерки, окрашивая комнату в цвет старой гематогенной плитки. — Нам тридцать два и тридцать пять. Наши ровесники покупают кофемашины в ипотеку. Они ездят в Сочи бизнес-классом. У них есть подушки безопасности! — Подушки безопасности неудобные, шея затекает, — отозвался Женя с набитым ртом. — И вообще, перестань сравнивать наш внутренний мир с чужой внешней отделкой. Их квартиры пахнут новым кредитом и страхом увольнения. Наша квартира пахнет приключениями, плесенью и премиальным белком. Что выбираешь ты?

Это был запрещенный прием. Настя втянула носом воздух. Пахло действительно странно: смесью катастрофы и сытости. Но главное — домом. Впервые за долгое время этот заброшенный угол панельного дома ощущался именно крепостью, пусть и с мокрым рвом в прихожей.

— Я хочу выбирать направление ветра, Женя, — тихо сказала она. — Я устала плыть по течению в нашем озере отношений. Куда мы дрейфуем? К финансовому краху? К тому, чтобы в шестьдесят лет просить милостыню у метро, играя на баяне те песни, которые ты сочиняешь для своего несуществующего подкаста?

Евгений перестал жевать. Ломтик сулугуни трагически повис на нижней губе. Он снял его пальцем, внимательно осмотрел и отправил обратно в рот.

— Баяном я владею плохо, пальцы короткие, — задумчиво сообщил он. — Но мысль интересная. Можно купить калимбу, она дешевле. Слушай. Давай разложим всё по полочкам. Как инженеры систем.

Он поднялся с пола. Сыр крошился на его коленях, оставляя белые следы на джинсах, похожие на карту звездного неба. Женя подошел к столу, взял банку малинового варенья, понюхал ее, поставил на место. Прошелся взад-вперед по узкому пространству между диваном и стеной, задевая плечом сохнувшие обои.

— Пункт первый: карьера, — начал он, загибая палец. — Твоя. Писательство. Чтобы тебя издавали в твердой обложке с тиснением, нужно либо умереть, либо иметь связи. Умереть мы всегда успеем, связей нет. Значит, план такой: ты пишешь то, что тебе нравится. Про маяк, мертвецов и депрессию. Выкладываешь в сеть. Собираешь секту фанатов. Они носят твои цитаты на кружках. Мы живем на пожертвования. Патреон. Бусты. Назовем это «Фонд спасения котиков имени Насти». Звучит солидно.

— То есть проституция словом, — констатировала Настя. — Цифровая панель. — Высокотехнологичный гранж, — поправил он. — Пункт второй: дети.

При слове «дети» Настя инстинктивно подобрала ноги в кресло, словно тема могла материализоваться на ковре и потребовать грудь.

— Я вчера чуть не утонула в кухонном сифоне, — напомнила она. — Мой материнский инстинкт спит. Возможно, он коматозник. Если я не могу спасти булку с маком от плесени, как я спасу человека от сквозняка? — Нормально спасешь, — отмахнулся Женя. — Дети живучие. Статистически. Главное — вовремя менять подгузники. Я смотрел видеоуроки. Там ничего сложного, просто липучки. Проблема детей не в детях. Проблема детей в квадратных метрах.

Он остановился. Лицо его вдруг стало серьезным, почти торжественным. Таким оно бывало редко — обычно перед тем, как он собирался разобрать розетку под напряжением или признаться в покупке очередной ненужной детали для компьютера.

— Вот смотри, — сказал он тише. — Сейчас мы здесь. Двое. Диван-книжка, который бьет пружиной в почки. Кухня размером с телефонную будку. Где ставить кровать? Между

вентилятором и твоим отчаянием? Ребенок вырастет неврастеником с идеальным загаром на одной половине лица.

Настя молчала. В словах мужа, перемазанных сыром, было больше здравого смысла, чем во всех мотивационных книжках, которые ей советовали на тренингах личностного роста.

— Поэтому, — продолжил Женя, рубанув воздух ладонью. — План меняется. Никаких ипотек. Ипотека — это добровольное рабство у бетонных стен. Мы идем другим путем. Через пять лет мы будем жить в доме на колесах.

Повисла пауза. Было слышно, как старый холодильник «Стинол» издал протяжный металлический стон, похожий на крик умирающего кита.

— Дом на колесах? — переспросила Настя. — Женя, у нас прав нет. И машина — это ржавый велосипед моего дедушки, который стоит на кирпичах в гараже и служит пристанищем для паутины. — Права выучим, — уверенно кивнул он. — Машину продадим. Ну, то есть сдадим в металлолом вместе с паутиной. Получим тысяч двадцать. Плюс твоя доля за ноутбук, если заложим. Берем старенький Fiat Ducato. Европейский фургон. Внутри — печка, газовая плита, сортир химический. Романтика! Просыпаешься — ты в лесу. Поел — ты у моря. Захотел работать — встал с видом на горы. Никаких соседей снизу. Никакого затопленного ламината. Только дорога и мы. И кот. Рамзесу понравится, он любит смотреть в окно.

Идея была настолько безумной, что начисто выбивала почву из-под ног. Настя представила себе эту картину. Серебристый микроавтобус. Внутри — полки с книгами, пледы, запах кофе из турки. Она сидит с ногами на кровати, пишет текст, а за окном проплывают сосны Карелии или степи Алтая. Свобода. Абсолютная, пьянящая свобода без привязки к адресу регистрации.

А потом она посмотрела на свои руки. На дешевое серебряное колечко. На трещинку на лаке ногтей. — Двигатель накроется в первом же болоте, — убитым голосом сказала она. — Деньги закончатся на выезде из МКАД. Нас съедят волки под Владимиром. Или судебные приставы арестуют колеса за долги по капремонту. Женя, спустись на землю. Земля твердая, хотя у нас сейчас тоже влажноватая.

— Страх! — обвиняюще ткнул в нее пальцем Женя. — Обычный, серый, ипотечный страх! Ты отравлена обществом потребления. Тебе нужен статус. Социальный лифт. Карьерная лестница, которая ведет прямым ходом в крематорий офисного типа. А я предлагаю тебе Вселенную! — Я предлагаю тебе заказать еду, пока ты не предложил мне переселиться на Марс! — повысила голос Настя. Кресло жалобно скрипнуло. — У меня сахар упал. От твоих речей про кочевье у меня начинается гипогликемия. Открой доставку. Выбирай. Филадельфия или запеченный краб?

Это сработало. Переключение тумблера в голове Евгения произошло мгновенно. Глаза его остекленели, фокусируясь на невидимом меню. Борец за свободу передвижения уступил место верховному жрецу желудка.

— Так, — он деловито потер ладони, забыв про остатки сулугуни. — Запеченный краб исключается. Там майонез, поджелудочная железа третьего созыва такого не выдержит. Филадельфия — классика, но рыба часто бывает мороженой трижды, рисковать не будем. О! Доставка из нового места открылось. «Синий дракон». У них акция: «Закажи на две тысячи — получи моти в подарок». — Моти? — восторженно воскликнула Настя. Липкое сладкое тесто было ее персональным наркотиком. — Какие вкусы? — Манго-маракуйя и матча, — заглянул в телефон Женя. — Матча горькая, как твои упреки, берем манго. Итак: гунканы с острым лососем, темпура с креветкой, салат чука... Чуку обязательно, там витамины, кожа лица подтянется, перестанешь быть бледной спирохетой. И удон. Большой удон со свининой. Бульон должен закрыть все финансовые вопросы этого месяца.

Пока он диктовал адрес диспетчеру приятным, бархатным голосом профессионального мошенника, Настя вернулась к ноутбуку. Разговор о будущем закончился, оставив во рту привкус дешевого соевого соуса и странную легкость.

Она стерла заголовок «Голоса утопленников». Мертвецы сегодня не писались. Сегодня писалась жизнь.

Пальцы легли на клавиши.

«Аграфена Кондратьевна смазывала шестеренки печатной машинки "Любава" подсолнечным маслом. Масло было нерафинированным, с запахом жареных семечек, и машинке это нравилось куда больше, чем сухая заводская смазка. Каждый вечер, ровно в девять, когда соседи сверху прекращали топить свой ламинат и открывали очередную бутылку вина, она садилась за стол...»

Курсор побежал по экрану, пожирая пустоту. Текст лился легко, сам собой. Героиня получалась живой — ворчливой, доброй, с радикулитом и непробиваемым достоинством женщины, пережившей дефицит растворимого кофе.

— Заказано! — возвестил Женя, захлопывая телефон. — Приедут через сорок минут. Время рассчитать экономику выживания.

Он бухнулся на пол рядом с ней, снова приняв позу мыслителя. Банка соленых огурцов от Аграфены стояла открытой на полу. Женя поддел огурец двумя пальцами, сок брызнул на стену.

— Смотри, — он заговорил тише, перейдя на деловой тон. — У нас осталось двенадцать тысяч четыреста рублей до конца месяца. Из них четыре восемьсот — аренда. Свет и этот их грабительский взнос на капитальный ремонт забора в деревне председателя ТСЖ — еще две. Интернет. Остается примерно пять тысяч. — Кот, — мрачно добавила Настя, не отрывая взгляда от экрана. Герой-утопленник наконец-то начал подавать признаки жизни и требовать вернуть ему тело. — Кот — это святое, — строго сказал Женя. — Корм приоритетнее моей стрижки. Вычеркиваем барбера. Буду пугать людей красотой первозданной природы. Далее. Машина. Наш «Москвич» — это недвижимость. Продать нельзя, налоги платить надо. Предлагаю объявить его арт-объектом. Напишем на боку «Энтропия» и поставим во дворе. Пусть современное искусство кормит голубей.

Настя хихикнула. Образ заросшего грязью «Москвича», признанного шедевром постмодернизма, идеально вписывался в эстетику их района.

— Женя, — она повернулась к нему. Кресло повернулось со скрипом, предвещающим грыжу поясничного отдела. — Это всё фантазии. Красивые, теплые, как твой живот, но фантазии. Мы не купим дом на колесах завтра. Нам нужно пережить эту зиму. Нужно заплатить за воду, которую мы подарили соседям снизу. Нужно понять, кем я буду, когда допишу книгу, и ее никто не купит.

Евгений придвинулся ближе. Его плечо, теплое даже сквозь ткань футболки, коснулось ее голой коленки. Он не стал говорить банальностей вроде «всё образуется» или «я найду работу». Он посмотрел на нее снизу вверх своими серьезными серыми глазами, в которых плясали бесенята вперемешку с усталостью.

— Хорошо, — сказал он. — Давай составим реальный план. Стратегия малого шага. Шаг первый: выжить сегодня. Ужин едет. Ламинат сохнет. Кот усыновлен морально. — Шаг второй? — спросила Настя. — Завтра утром, — он поднял указательный палец, призывая к вниманию. — Мы просыпаемся. Не в семь утра под визг дрели, а когда захотим. Варим кофе. Тот самый, дорогой, который купили вместо квартплаты. Садимся. Ты — за свой маяк с мертвецами. Я — за верстак. — Какой верстак? — напряглась Настя. Последняя попытка Евгения сделать «верстак» закончилась строительством плавильной печи для алюминия на балконе и приездом пожарных. — Мебельный, — успокоил он. — Я умею работать руками, забыла? Я технарь. Этот ваш кривой шкаф из ДСП, который плачет каждый раз, когда в него кладут носки — это

оскорбление геометрии. Я разберу его. Куплю нормальную фурнитуру. Сделаем встроенную систему хранения. Бесплатно. Материал — наше самоуважение и старые доски.

В этом был весь Женя. Пока она рефлексировала о смысле бытия и продажах на Amazon, он решал проблему нехватки мебели через физическое воздействие на дерево.

— Ладно, — сдалась Настя. — Шкаф. Это полезно. Но если ты принесешь домой сварочный аппарат... — Обещаю ограничиться молотком и пассатижами, — он приложил правую руку к сердцу, левую протягивая ей. — Договор? Пять лет. Срок исковой давности по глупостям. До следующего октября. Ни ипотеки, ни офиса, если книга пойдет. Если не пойдет — я обещаю найти работу, где платят деньгами, а не чувством глубокого удовлетворения. Идем на компромисс. Я не покупаю диджейский пульт, ты не устраиваешься менеджером по продаже страховок жизни.

Настя посмотрела на его ладонь. Широкая, с въевшейся под ногти графитовой смазкой еще со вчерашнего потопа, с тонким белым шрамом на большом пальце — память о попытке починить блендер. Надежная рука.

Она вложила свою ладонь в его. — Договорились, — сказала она. — Но моты будут мои. Если попытаешься съесть манго-маракуйя, я применю пассатижи к твоему большому пальцу. — Диктатура десертов, — ухмыльнулся Женя, переползая на диван и увлекая ее за собой. — Я согласен на роль вице-короля фруктовых снеков. Иди сюда.

Они устроились на продавленных подушках. Диван-книжка действительно ударил пружиной, но на этот раз почти нежно, предупредительно. Женя включил телевизор. По экрану поплыли титры какого-то старого советского фильма про геологов. Люди мужественно мерзли в тайге, искали уран и верили в светлое будущее.

— Видишь, — сонно пробормотал Женя, притягивая Настю под бок. — Даже геологи жили в палатках. Чем мы хуже? У нас вон какая база. Теплый сортир, вай-фай и малиновое варенье. Элита двадцатого века.

Настя положила голову ему на грудь. Ровное биение его сердца отдавалось в ее висок глухим, успокаивающим ритмом. Там, внизу, в животе, зарождалось приятное тепло предвкушения жирной пищи. В горле еще стоял ком от недавнего разговора о детях и ипотеке, но теперь он не душил. Он просто был фактом. Да, страшно. Да, непонятно. Но разве лучше сидеть в стеклянном кубе офиса, делая презентации о кормах для шпичев, зная, что вечером тебя ждет пустая идеальная квартира и таблетки от гастрита?

Звонок в дверь раздался неожиданно громко, разрезая уютную тишину пополам. — Армия спасения прибыла, — оживился Женя, выпутываясь из одеяла. — Я открою. А ты сохрани рукопись. Нельзя терять плоды катарсиса.

Когда он ушел в коридор, хлопнув дверью ванной (видимо, решил помыть руки перед священным таинством поглощения еды), Настя осталась одна. Экран ноутбука всё еще светился текстом про Аграфену Кондратьевну.

Она перечитала написанн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.